идеи трактата[5] или монтажа[6], но вряд ли это оправдывает растворение в авторском тексте наряду с прямым вмешательством в него.

Поскольку данное издание не предлагает новых переводов, а лишь пересобирает уже имеющиеся, читатель не найдет здесь чего-то ранее не представленного. Затрудняет чтение и отсутствие указаний на конкретные переводы: неясно, чей перевод приводится в том или ином случае. Создается впечатление, будто редактор просто цитирует первый найденный в сети перевод источника.

Хотя издание и может быть интересно неакадемическому читателю, малознакомому с идеями Беньямина, едва ли оно поспособствует глубокому погружению в мир его идей. Комплексность и многослойность работ Беньямина особенно остро требует профессионального комментария и не допускает небрежного обращения с текстами первоисточников.

М.А. Савина
maria.al.savina@gmail.com

Струве П.Б. *Великая Россия. Избранные сочинения (1901–1938)*. Составление, предисловие, комментарий М.А. Колерова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 352 с. ISBN 978-5-9971-0890-8 (Серия «Тарантасъ»).

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-189-195 УДК 1(091)

Творческое наследие Петра Бернгардовича Струве (1870–1944), представителя философско-политического течения либерального консерватизма, до сих пор не оформлено в единый

[5] Вальтер Беньямин, *Происхождение немецкой барочной драмы* (М.: Аграф, 2002), 5–7.

[6] Susan Buck-Morss, *The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project* (Chicago: University of Chicago Press, 1991).

© Вакулинская А.И., 2025

корпус собрания сочинений, что во многом может затруднять работу с наследием этого плодовитого автора. Еще при жизни Струве составлялись тематические сборники из избранных статей разных лет под названиями «Patriotica», «Дневник политика»; продолжилась эта издательская традиция и после его смерти.

Рецензируемая нами работа – это том избранных сочинений П.Б. Струве, относящихся к периоду 1901–1938 гг., включающий в себя ряд статей, в той или иной степени содержащих осмысление, раскрытие и обоснование концепции национализма, выстраиваемой им в бурное и неспокойное как для России, так и для всего мира время, а также анализ взглядов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, несколько экономико-социологических очерков[1]. Стоит отметить, что своим названием «Великая Россия» теория национализма Струве обязана строкам из знаменитой фразы П.А. Столыпина, чьи труды в области экономики, равно как и саму личность министра, мыслитель достаточно высоко оценивал.

Помимо ранее опубликованных статей в сборник избранных трудов вошли также некоторые реконструированные по архиву материалы. Задумка составителя книги, подготовившего довольно содержательное, но как-то туманно оценивающее вклад Струве предисловие, заключается в том, чтобы читатель смог самостоятельно проследить идейную эволюцию взглядов мыслителя по его текстам, выстроенным в хронологическом порядке. Несмотря на протест составителя против зачисления Струве в лагерь либеральных консерваторов (с. 32 предисловия), основой чего послужила ссылка на самоидентификацию мыслителя, знакомясь с содержанием вошедших в данную книгу текстов, нам трудно согласиться с таким мнением: на наш взгляд, никакого противоречия между тем, как определял себя

[1] «Итоги и существо коммунистического хозяйства» (1921), «Основы политической экономии» (1923), тезисы «Христианство и социальный вопрос» (1923), тезисы «Система и единство» (1925), «Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии» (1935), «Дух и быт. Опыт историко-социологического истолкования западноевропейского средневековья» (1938).

Струве, и тем, как «принято» его идентифицировать, нет, поскольку содержание понятия «либеральный консерватизм» значительно шире чисто политических границ. Да и для позиции самого Струве, рассматривавшего сферу политического сквозь призму культуры, вряд ли можно найти более удачную характеристику.

Стоит отметить, что среди плеяды русских философов, проделавших идейную эволюцию «от марксизма к идеализму» и далее к попыткам религиозного (историософского) осмысления истории, Струве, начинавшего свой путь с «легального марксизма», можно определить как наиболее политически-ориентированного мыслителя в силу самой профессии экономиста, наиболее тесно связанной с теоретико-эмпирическим исследованием социальной реальности. Во многом такая реальная и профессиональная установка Струве в большей мере согласуется с социологией, а не с философским идеализмом и фидеизмом. Но, с другой стороны, именно из-за плотной эмпирической вовлеченности в политические процессы некоторые диалектические силлогизмы мыслителя у читателя, знакомого с историей России, могут оставить впечатление о некоторой философской ограниченности, иногда даже и о самообмане их автора. Из всего тома наиболее показательна в этом плане статья «Оздоровление власти» (1914).

В предисловии книги достаточно верно отмечено, что Струве был человеком широчайшего кругозора: он был не только целиком вовлечен в анализ исторического, экономического, политического, социологического дискурса, но и вносил в него мотивы метафизики и потому естественным образом занимался также историей литературы, культуры и религии. Может, оттого и всё его творчество носит вполне дискретный, фрагментарный характер. Наиболее же значимой темой, связующей вошедшие в рецензируемую книгу труды, как нам кажется, является тема процесса развития культуры как основы государства, нации, из которой и вытекает та идея политики, национализма, артикулируемая Струве как «Великая Россия».

Безусловно, не миновал он здесь и ключевой философско-правовой темы соотношения свободы личности и общественной нормативности (с. 43–47; 78–82). Ведь именно в зависимости

от того как, пусть даже и на теоретическом уровне, разрешается данный вопрос, будет определяться дальнейшая форма общественного и государственного устройства. Помимо указанного перечня имен (с. 30), значимых для формирования «концепции» Струве, как нам кажется, всё же стоило бы упомянуть таких его современников, как П.И. Новгородцев[2] (один из «возродителей» теории «естественного права» в России) и Е.Н. Трубецкой, чей «религиозный» взгляд на «национализм» не остался без внимания русских мыслителей в годы Первой мировой войны[3].

Можно согласиться с составителем книги в том, что проблема анализа наследия таких активных публицистов, как Струве, требует прекрасного знания контекста эпохи с ее насущными проблемами – каждая статья порождена конкретной сложившейся в то время ситуацией и представляет собой отклик на актуальные события с прогнозом ближайших перспектив развития общественных настроений, в связи с чем весьма кстати приходятся комментарии, которыми снабжено издание.

Давая оценку идейной эволюции концепции национализма Струве, можно сказать, что, начиная как «культуртрегер» неокантианского, фихтеанского стиля мышления, автор со временем приходит к осознанию значимости не просто абстрактной религиозности в духовной, культурной, творческой жизни народа, но именно к той идее «правды», которая сопряжена с православием, образом «Святой Руси». В ранней статье «В чём же истинный национализм?» можно уже услышать то теоретико-мировоззренческое кредо Струве, которое не раз будет воспроизводится в его творчестве, особенно в критике осуществившейся в России рецепции «социализма». Так он констатирует:

---

[2] На курс «История философии права» П.И. Новгородцева Струве делает ссылку в статье «В чём же истинный национализм?» (1901) (с. 44). Наличие влияния концепции «возрожденного естественного права» Новгородцева также можно заметить в тексте, когда Струве обозначает наличие связи естественного права с нравственностью.

[3] *Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках,* сост., вступ. ст., комм. В.И. Кейдана (М.: Языки русской культуры, 1997), 627.

> Нет ничего ошибочнее и вреднее, как превращение сложных процессов общественного взаимодействия, общественно-правовых «отношений» в особые существа, или «ипостаси», противопоставляемые реальным и живым участникам этих отношений. Это – грубая теоретическая ошибка, воспроизводящая старую метафизическую доктрину «реалистов», утверждавших реальное бытие общих понятий и превращавших их в истинные «сущности», управляющие, согласно этому взгляду, миром якобы призрачных отдельностей, миром вещей. […] Некритический и бессознательный реализм или универсализм в обществоведении и политике практически часто приводил к грубым и чреватым вредными последствиями заблуждениям (с. 40).

Периодически Струве подчеркивал различие исторических, общекультурных путей развития «индепендентской» Англии (как родины идеи прав человека) и России, где верного представления о соотношении любви к родине, которая включает в себя родину-мать (государство как единство национальной культуры) и родину-дитя (личность-творца) в начале XX в. так и не сложилось. С этим связано и то, что много места в статьях из рассматриваемого здесь тома отводится социологическому анализу «интеллигенции» как новообразовавшегося класса, постепенно усиливавшего свое влияние на народ и «заражавшего» его своими, зачастую нигилистическими, идеями. Квинтэссенцией данного анализа стала статья Струве «Интеллигенция и революция», органически вписавшаяся в тексты других авторов эпохального сборника «Вехи».

Струве подчеркивает, что само миросозерцание, господствовавшее в умах образованного класса, основанное на «идее личной безответственности» и «идее равенства» (с. 97), явилось как причиной неудачи «общественного движения» (т.е. революционного движения 1905–1907 гг.) в начале XX в. в целом, так и – в качестве закономерного итога этого – крахам мирной февральской революции[4]. Определяя идейную форму русской

[4] «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации» («Размышления о русской революции» (с. 225)).

интеллигенции, мыслитель писал, что ей присуще «отщепенство» от государства, враждебность к нему. При этом отщепенство, по Струве, выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух его видах – в абсолютном (анархизм Бакунина и Кропоткина) и в относительном (революционный радикализм, представленный разными формами русского социализма) (с. 105). Завершая свою характеристику трансформации взглядов русской интеллигенции, Струве, попутно опровергая утверждение В.С. Соловьёва о религиозности образованного слоя в России, указывал:

> Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала революционного и эмпирического. В этом заключается глубочайшее философское и психологическое противоречие, тяготеющее над интеллигенцией (с. 106).

Мистика же государства заключается в том, что оно отнюдь не сводится к правящей группе лиц, а представляет собой «“организм”, который, во имя культуры, подчиняет народную жизнь началу *дисциплины*, основному условию государственной мощи» (с. 124).

«Великая Россия»[5] П.Б. Струве определяется не только внешней государственной имперской мощью, но также и внутренним сплочением народа как нации, что требует постепенного вовлечения того же народа, во главе с интеллигенцией, в решение государственных вопросов, связанных с процессом развития и сохранения национальной культуры[6].

Увы, в свое время «революционер без масс» не мог быть услышан в силу ряда социально-психологических особенностей

---

[5] «Но Великая Россия есть не только идея и идеал внешнего расширения Российской Империи. Это есть идеал правовой, тесно связанный с духовно-религиозной идеей» («Великая Россия и Святая Русь» (с. 203)).

[6] В широком смысле данного слова, т.е. включающей в себя как материальную (хозяйство), так и духовную культуру (в том числе и идею «Святой Руси»).

русского общества, исторических пертурбаций. Может ли он быть услышан в нашу эпоху, когда вопрос создания «национального государства» вновь поставлен историческими обстоятельствами на повестку дня?

Институт философии РАН **А.И. Вакулинская**
sashavakulinskaya@gmail.com

С.Л. Франк. *Материалы и исследования. Выпуск 1: Редакционные рецензии. Переписка. Радиолекции.* Под общей редакцией К.М. Антонова и Т.Н. Резвых; подготовка текстов, комментарии и указатели Т.Н. Резвых и В.Е. Тихонова. М.: ПСТГУ, 2024. – 272 с. ISBN 978-5-7429-1558-4.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-195-205 УДК 1(091)

Публикация философского наследия Семёна Людвиговича Франка – кропотливый многолетний труд, который дополнила еще одна недавно вышедшая книга. В первый выпуск «Материалов и исследований» включены архивные документы, составившие три части. Первая из них содержит материалы, освещающие работу Франка в журнале «Русская мысль» (отзывы о рукописях, поступивших в редакцию за период с 1913 по 1918 г., принадлежащие перу самого Франка, а также отзывы П.Б. Струве и А.С. Изгоева); раздел завершает указатель авторов, на тексты которых составлены отзывы, и указатель имен, упоминаемых в отзывах. Далее следует небольшой раздел с письмами Франка к Ал.Н. Чеботаревской (1913–1918 гг.). После чего помещен цикл лекций Франка, прочитанных на английском радио BBC в 1946 г., и отклики на них. Эти документы, которые можно отнести к малым философским (или даже «косвенно-философским») формам, воссоздают интеллектуально-культурный контекст эпохи, дополняя «портрет времени»

© Гусева А.А., 2025